Беседу с кинорежиссером Станиславом Говорухиным читайте на 4-й странице.

Правда. — 1994. — 16 марта. — с. 4.

Имя Станислава Говорухина сегодня у всех на слуху. Многие восторгаются им, другие — их тоже немало — столь же страстно ругают. Талантливый кинорежиссер (достаточно вспомнить хотя бы всенародно знаменитый фильм «Место встречи изменить нельзя») и актер, он в последние годы почти полностью ушел в публицистику. Главная боль, которая жжет его душу,— судьба России, трагедия России.

Станислав ГОВОРУХИН:

«Эту криминальную революцию я недаром назвал великой...»

Фото Андрея ЗАМАХИНА.

— Станислав Сергеевич, недавно вышла из печати ваша новая книга под весьма выразительным названием «Великая криминальная революция». Замечательный наш драматург, человек обостренной совести Виктор Сергеевич Розов, с которым я беседовал месяц назад, сравнил эту вашу работу по силе воздействия с «Архипелагом ГУЛАГ» Солженицына. Высокая оценка! И от многих других читателей слышал я очень взволнованные отзывы. Правда, некоторые добавляли: «Книга эта—не для слабонервных». Но, видимо, вы и не заботились о сбережении нервов своих читателей и зрителей, которым адресованы и книга, и одноименный фильм, завершающий вашу кинострилогию о России. Я видел фрагменты по телевидению — впечатление тоже сильнейшее. Однако фильм этот, насколько я понимаю, пока не выпускается на широкий экран, нет у него до сих пор такой массовой аудитории, какая была у двух предыдущих — «Так жить нельзя» и «Россия, которую мы потеряли». Да и телевизионные ваши выступления, прозвучавшие перед выборами в Федеральное собрание, вызвали явное недовольство властей. Что вы можете сказать обо всем этом? Как вписываются ваш кинематографический и литературный труд, ваши воззрения и общественно-политическая деятельность в сегодняшнюю российскую ситуацию?

— Ну, во-первых, с 21 сентября 1993 года мы живем уже в другой стране. Удушение демократии, гласности усиливалось все эти два года, и теперь мы пришли к закономерному финалу. Никакой гласности уже не существует. Скажем, телевидение наглухо закрыто для всякой правды. Есть всего несколько оппозиционных газет. Поэтому говорить о выпуске моего фильма не приходится. Он сегодня не нужен. Дали возможность в пределах отведенных мне для телевыступления пятидесяти минут показать фрагменты — во время игры в демократию, когда делали вид перед Западом, что готовятся свободные выборы,— и все. Точка.

А книжка все-таки вышла. На местах многие газеты, навлекая на себя гнев властей, ее перепечатали — целиком или в отрывках. Так что тираж по нынешним временам получился гигантский. Отклики идут интересные.

Мы пытались закинуть книжку прежде всего в Россию, а не в Москву. Ведь Москва сегодня — это не Россия. Это общепризнанная столица не России, а криминального мира. Здесь уже половина населения (как минимум!) или ворует, или пошла в услужение к иностранцам. Да что говорить про жителей этого города, если толпы москвичей радовались, аплодировали при каждом разрыве снаряда внутри «Белого дома», где находились десять тысяч их сограждан, в том числе женщины и дети. А когда президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов и президент Ингушетии Руслан Аушев шли к «Белому дому» под белым флагом, чтобы вывести оттуда женщин и детей, толпа плевала в них, улюлюкала, кричала: «Ну ты, калмыцкая морда!..» Нет, такой город — не мой город.

— В вашей книге трагические события 3—4 октября прошлого года выглядят как своего рода кульминационный пункт, апофеоз той великой криминальной революции, о которой вы пишете. Есть у вас место, в частности, где отмечено возвращение к власти накануне сентябрьско-октябрьской эпопеи лиц, обвиненных перед этим в коррупции. «Уж не ради ли этого была затеяна вся петрушка с переворотом? — замечаете вы.— Не такое дикое предположение. Развалили же Союз ради того, чтобы убрать Горбачева». Нельзя ли прокомментировать эту вашу мысль? Ведь борьба с коррупцией, громогласно объявленная российским президентом, вдруг сразу же была сведена на нет. Случайно ли? И пресловутая комиссия пресловутого адвоката Макарова быстренько была распущена. Не потому ли, что главный объект ее работы, Руцкой, оказался в «Лефортове»? Или коррупции у нас уже нет больше?

— Конечно, это безнравственно — в первый же день переворота возвращать к власти людей, которые находились под следствием. Вполне могло сложиться впечатление, что ради этого все и затевалось. Главная-то цель переворота была другая, но вот оформление...

Что же касается так называемой межведомственной комиссии, то совершенно ясно: это была комиссия по борьбе с Руцким. Им нужны были документы, уничтожающие его, дискредитирующие, обливающие грязью. Пусть даже фальшивые документы. И дело было сделано: достигнуто негативное отношение населения к вице-президенту. Как раз накануне переворота, чтобы в решающие часы вице-президент лишился народной поддержки.

Ну а с коррупцией нынешняя власть бороться не будет. Потому что она повязана этой самой коррупцией с ног до головы. Насчет же Руцкого скажу: пока он сидел в тюрьме, каждый день делал из него героя. А теперь, уверен, его опять начнут изо всех сил компрометировать. Снова вытащат трастовый договор...

— Да уже ведь доказано Московской прокуратурой, что обвинения, связанные с тем злосчастным договором,— липа.

— Я это чувствовал с самого начала, когда высокие государственные лица, показывая какие-то бумажки с экрана телевизора, пытались охмурить меня и всех. Сердцем чувствовал... Ну ничего, они еще что-нибудь придумают. По делам какого-нибудь фонда «Возрождение», первым президентом-то которого, кстати (все уже забыли), был Ельцин, по делам «Агрохима», «Агропрома»... Да мало ли! Главное, чтобы время от времени сообщать в прессе: Руцкого вызывали в прокуратуру, Руцкой давал показания, с Руцким что-то нечисто. И так далее, и тому подобное. Короче, снова постараются замарать — особенно в преддверии президентских выборов. Эту власть я достаточно хорошо изучил. У нее нет никаких нравственных барьеров, она пойдет на все. Власть, которая способна выкатить танки и стрелять по парламенту, пойдет абсолютно на все. И что там какой-то поддельный трастовый договор...

— Еще вопрос, связанный с 3—4 октября. Люди, брошенные после тех событий в тюрьму, теперь освобождены. Однако акт амнистии, как вы знаете, встречен в обществе очень разноречиво — от горячего одобрения до бурного возмущения. Одни говорят о проявленном гуманизме, другие утверждают, что это псевдогуманизм, всепрощенчество. Меня же, как и многих других, особенно беспокоит, что вместе с объявлением амнистии прекращено расследование причин и обстоятельств трагических сентябрьско-октябрьских событий. А ведь очень многое нам так и осталось неизвестно: скажем, были или нет снайперы в «Белом доме», откуда взялись снайперы на городских крышах, действительно ли расстреливали людей на стадионе... Ну и так далее. Даже число погибших подвергается сомнению, а теперь, стало быть, никаких уточнений уже не будет. Вот и спрашивается: кому больше всего выгодна такая туманность? Кто больше заинтересован в том, чтобы всю правду об истинных виновниках и обстоятельствах происшедшего мы так и не узнали? Ряду фракций в Госдуме, в том числе и вашей — Демократической партии России, немалых трудов стоило пробить создание парламентской комиссии по расследованию кошмарной трагедии. Были силы (да они и есть), которые никак этого не хотели и всячески препятствовали этому. Что же, выходит, в конце концов они добились своего? Все тайны так и останутся тайнами?

— Цена за амнистию заплачена непомерно большая. Да, наверное, общество наше из официальных источников так и не узнает полностью ни о тех обстоятельствах, которые предшествовали трагедии, ни о политической подоплеке, ни о том, как реагировала Россия в дни путча. Снайперы — это мелочь, сегодня уже и самые оголтелые сторонники президента не поверят, что это были снайперы не правительственные. Есть вопросы гораздо более серьезные. Например, каковы масштабы трагедии....

— Вы имеете в виду число погибших?

— Не только. Масштабы происшедшего! Все надо бы учесть: и экономический ущерб, и убитых, раненых, искалеченных, и умерших от инфарктов. Вот, например, депутат Фахрутдинов — я о нем писал в своей книжке, он из Татарии. У него больное сердце, со стимулятором живет. Так на нем омоновцы, свалив во дворе, буквально плясали. Сломали несколько ребер, порвали легкое, в тяжелейшем состоянии он лежал в реанимации. А мать его тем временем смотрела по телевизору, как пушки стреляют по зданию, где находится сын, и у нее случился инсульт.

Все это относится к масштабам трагедии. А изувеченные души? А страх, который поселился в людях? А какова доля участия бойцов мафии в акции подавления «Белого дома?» А что за деньги брали люди Гайдара в Центробанке в ночь с 3-го на 4-е? Для чего использовались эти огромные деньги? Что, в этот момент какой-то террорист угнал самолет с детьми и требовал выкупа? А было ли участие западных спецслужб, консультантов в организации расправы? А что все-таки произошло в «Останкино», где была устроена страшная ловушка? Ну и еще много-много вопросов. Увы, общество останется без ответов на них.

С другой стороны, мы получаем амнистию, при которой на свободу выходят невиновные, несколько человек, и такие люди, как Анпилов, наносящие, по-моему, не меньший ущерб обществу, чем самые сумасшедшие реформаторы.

— Почему же, Станислав Сергеевич, вы так об Анпилове? Убежденные и смелые люди, думается, заслуживают уважения, даже если мы с ними не согласны.

— Кругозор-то вот такусенький, призывы назад, в прошлое... Нет, это не для меня. Да и надо учитывать, что сегодня не 1905 год. Митинги, демонстрации, «булыжник — оружие пролетариата» — это все не проходит.

— А какие методы борьбы вы признаете?

— Ну, скажем, парламентские, в средствах массовой информации. Вот с Зюгановым я же могу общаться. С удовольствием разговариваю, он мне чрезвычайно симпатичен, и партия его симпатична. Это сегодня в моем представлении уже партия не ортодоксов, а социальной справедливости, хотя и не во всем я с ними согласен...

Несмотря ни на что, я тоже голосовал за амнистию. Считаю: если среди десятка виновных есть хоть один невиновный, выпустить надо всех. В отличие от сталинской политики: если среди миллионов невиновных есть хотя бы один виновный, пусть сидят все.

— В своей книге вы приводите очень резкие слова выдающегося русского философа и писателя Александра Зиновьева (увы, до сих пор эмигранта), назвавшего режим, который установился в России в 1991 году, Колониальной Демократией. И далее о пришедших к власти людях он пишет тоже весьма резко и категорично: «Когда стало ясно, что все их затеи с реформами провалились, чтобы спасти свою шкуру, чтобы удержать свои позиции, они встали на путь предательства». Вы от себя добавляете: «Что происходит? Происходит разгром страны». Какова же, на ваш взгляд, связь между этим разгромом и намечавшимся планом реформ? «Случилось то, о чем никакое ЦРУ не могло мечтать,— пишете вы.— Могучий Голиаф сам пал ниц и, униженно моля о пощаде, пополз на коленях к победителю. Поэтому я не верю в заговор ЦРУ. Хотя все, что произошло, отвечает планам ЦРУ. Но повторю: о таком они не смели мечтать. Я не верю и в сговор западных держав. Хотя без участия Запада тут не обошлось». Значит, по вашему мнению, те, кто рвался к власти и достиг ее, сами создали такое положение, когда страна, которая все-таки была могучим Голиафом, пала ниц?

— Задача Запада и всех их ЦРУ всегда была в ослаблении экономической мощи России, ее армии, ее народа. Отсюда, скажем, перетаскивание ученых, попытки задержать развитие нашей науки (а перерыв в науке на один год означает отставание потом на 15—20 лет)... Конечно, в таком смысле заговор есть, и он существовал всю жизнь — при нынешних реформаторах, при Горбачеве, при Брежневе, при Сталине, при Ленине, при Николае Первом... Но все же главную разрушительную работу на этот раз выполнили мы сами.

Произошел в общественном сознании жуткий сдвиг. Людей, которые не изменили своим убеждениям (пусть даже в чем-то заблуждаясь), мы стали презирать. А тех, кто в один день перекрасился, то есть оборотней, перевертышей, приняли за настоящих людей. К власти прорвались самые подлые, самые ничтожные, самые корыстные. Судьба Родины их мало волнует. Мы сами передали знамя демократии в руки разбойников и плутов. Некрофилов, ненавидящих Россию. Ну и все — они довершили пагубное дело. Ценой неимоверных страданий народа решили загнать его в капиталистический рай. Слезы стариков, в ускоренном порядке — под шуточки команды Гайдара и хохот лавочников — отправляемых на тот свет, мучения детей, терзания миллионов ограбленных и оскорбленных — им это ничто. А началось уже тогда, сразу после августа 91-го. И я, будучи убежденным демократом, защищал тогда «Белый дом»...

Все перевернулось. Многих купили — тех, кто на вершине власти, и идеологов власти. Не обязательно прямыми взятками. Людей искусства — изданием их книг на Западе, возможностью поставить фильм или спектакль. Разные есть способы. И потом чуть ли не в каждом из нас жило чувство определенного преклонения перед Западом: «Вот у них там и демократия, и все есть». Это сейчас, поездив, мы видим, что далеко-далеко не все там достойно восхищения. Ну какая, допустим, в Америке демократия? Да и тупых, необразованных гораздо больше, чем было у нас. Так вот, чтобы стать такими же тупыми и необразованными, достаточно трех-четырех лет, а чтобы стать такими же богатыми, благополучными — лет сто потребуется.

Объяснить бы сегодня всем честным людям на Западе (остались же там честные люди!), что у нас происходит удушение демократии, что их правители и наши объединились с общей целью — уничтожить Россию, превратить ее в колонию. Чем это для Запада обернется? Да, он вздохнет на некоторое время, как вздохнула уже за эти годы «большая семерка». Прекратились в этих странах инфляционные процессы, возросла инвестиционная активность. А цена за это заплачена высокая: Россия! Она в разрухе, вывезено все возможное, предприятия остановлены... Западу станет легче от того, что Россия будет колонией, но — ненадолго. Потому что превращение такой огромной страны в криминальную зону скажется на всем мире. Уже сказывается. Потому я и назвал эту нашу криминальную революцию великой. Не в Панаме же дело происходит...

— Ваше отношение к роли органов госбезопасности в репрессиях 20—30-х годов и позже известно. Но вот я обратил внимание на слова в комментарии к вашей книге, которая написана на основе материалов, собранных во время работы над одноименным фильмом: «Фильм снимался при содействии Министерства безопасности, Министерства внутренних дел и внешней разведки». Теперь, как известно, Министерство безопасности ликвидировано. В обществе нашем есть разные мнения по данному поводу. Вы же, насколько понимаю, в хорошем смысле слова сотрудничали с работниками этого министерства при создании фильма и книги, они помогали вам. Ведь то, о чем вами написано и что снято на пленку, делалось и делается втайне, причем тайну нелегко приоткрыть. Скажите, какое впечатление произвели на вас эти люди, раскрывавшие тайну криминала? И как вы относитесь к ликвидации Министерства безопасности? Не ослабит ли это борьбу с преступностью, коррупцией?

— Очень важный вопрос. Удивительные метаморфозы произошли с этим ведомством! Столько бед принесло оно стране и народу. Но вот прошли годы, и вдруг выяснилось, что КГБ, а потом Министерство безопасности оказалось наименее коррумпированной организацией. Ну а мое личное общение со многими его офицерами, особенно в провинции, убедило, что это абсолютно честные, преданные Родине люди.

И МБ разогнано не потому, что оно было наследником НКВД. Это даже коню должно быть ясно. Наследники НКВД живы и здравствуют, но они еще два-три года назад ушли охранять коммерческие структуры. За эти годы Министерство безопасности как бы самоочистилось. Разогнали же его именно потому, что там было очень много честных, порядочных людей.

— Тем не менее определенные круги нашей общественности аплодировали этой акции. Дескать, наконец-то зловещее ведомство перестало существовать, наконец с кровавой гидрой покончено.

— «Зловещее, кровавое»... Кто кричал это? Глеб Якунин, Новодворская, подобные им? Те же люди, которые призывали президента к решительным действиям, кто по сути скомандовал «пли» танкам, а потом с упоением аплодировал расстрелу «Белого дома». Наша так называемая интеллигенция...

— Откуда это у них? От непонимания?

— Не знаю — от непонимания или от подлости. Наверное, больше от подлости. Октябрьские события показали: Министерство безопасности не будет выполнять преступные приказы, не пойдет против своего народа. По-моему, стало уже общеизвестным фактом, как достойно вели себя в те дни подразделения МБ — «Альфа» и «Вымпел», за что «Вымпел» уже расформирован. Причем хочу обратить особое внимание читателей на такое обстоятельство: разогнано было Министерство безопасности в тот момент, когда оно почти целиком переключилось на борьбу с самым тяжелым, наносящим наибольший ущерб государству видом преступности — с экономической преступностью.

Власть укрепляет себя. Она разгоняет ненадежные ведомства. Она создает чуть ли не в каждой области мобильные воинские подразделения, подчиненные непосредственно президенту. Для борьбы с каким внешним врагом? А тем временем криминальные структуры усиливают свои боевые отряды, которые всегда готовы защитить немногочисленный класс компрадорской буржуазии от любых народных волнений. Ну а борьба с преступностью... Что там говорить, она после сокращения и «чистки» органов безопасности будет идти, конечно, еще труднее. Ведь десятки тысяч первоклассных специалистов по всей стране, борющихся уже не с диссидентами и не с западной разведкой, а с преступностью, в момент страшнейшего разгула преступности отстраняются от дел. Только слепой не видит, к чему это ведет.

— Вы уже несколько лет бьете тревогу в связи с ростом преступности в нашей стране. Помню серию потрясающих статей на страницах «Советской культуры», которые появились еще в середине 80-х, когда пошла перестройка, да и в фильме «Так жить нельзя» эта тема сильно звучала. Как и Юрий Щекочихин в «Литературной газете», вы предсказывали, что к государственной власти со временем может прийти мафия. Нынче преступность достигла у нас таких масштабов, какие раньше и не снились. Например, каждые 18 минут происходит убийство... Как же одолеть эту беду? И можно ли реально противостоять мафиозным силам, которые, как следует из вашей книги, все больше прибирают власть к своим рукам?

— Преступность — это не только когда каждые 18 минут совершается убийство. Это даже не самое страшное. Страшнее, когда улицы наших городов принадлежат ворам и хулиганам, а честные граждане, как преступники, сидят за решетками и стальными дверями, забарикадировавшись в своих квартирах. Страшно, когда вся Россия вывозится, как во время оккупации немцами.

И чтобы эффективно бороться с преступностью, надо для начала изменить взгляд на нее — не рассматривать лишь с правовой, юридической точки зрения: эта тема гораздо более глубока и обширна. А во-вторых, надо, конечно, уничтожить причины преступности. Ее корни.

Из фильма «Так жить нельзя» поняли одно: судить коммунистов будут. А он-то был посвящен в основном не этому. Я говорил о том, что близится уголовный террор. Вот цитата из этого фильма: «Каждый день отряды преступного мира пополняются добровольными рекрутами из числа молодежи. Потому что сегодня каждый юноша видит на опыте своих родителей, на опыте всей окружающей жизни: честным трудом прожить нельзя». Вот и все. Какая же еще нужна причина для преступности? Если честным трудом прожить нельзя, если со всей очевидностью стало понятно, что хорошо жить теперь может только человек, который ворует или кто служит иностранцам, как же не будет расти преступность?

Я уж не говорю о том, что дичайшая ситуация сложилась: все эти два года власть, вместо того чтобы бороться с преступностью, фактически создавала ее. Как только человек замазался, вступил на путь воровства, разграбления России, других каких-то темных дел,— всё: он верный сторонник этой власти, которая его создала. Власть ищет поддержки и находит ее именно в криминальных слоях населения. Они — ее социальная база. Под видом класса собственников создавался класс воров. Спросите любого жулика (я об этом говорил во время предвыборной кампании), как он будет голосовать. Да вы же знаете, за кого они голосовали и на референдуме, и на выборах! Получается, что сами власти развивали, поощряли, поддерживали преступность. А сейчас они будут с ней бороться? Ой, трудно поверить! Преступность ведь уже руководит ими. Значит, с ней надо не бороться, а делиться. Все радушнее открывать перед нею двери Кремля, Старой площади, «Белого дома». Боюсь, именно так все и пойдет.

Конечно, завтра или послезавтра могут объявить чрезвычайное положение по борьбе с преступностью. Намеки свыше на это уже есть. Понятно: уличная преступность нас захлестнула, и народ возмущен. Но чему будет служить это чрезвычайное положение? Думаю, не ликвидации преступности, а подавлению того же народа. Опять обрушатся на оппозиционные издания, на всякие раздражающие силы слева и справа. Откроют, правда, и несколько шумных дел. Вот как в моей книге — дело предпринимателя Шашурина. Характернейший пример: никто бы этого Шашурина не трогал, если бы он не помогал «Белому дому». А теперь сидит в тюрьме, и ему не могут приклеить никакого обвинения...

Впрочем, обвинение на каждого российского предпринимателя при желании в конце концов можно найти. Не сажают же их потому, что они на стороне власти. А вот кто против, кто глубоко встревожен судьбой Отчизны, кто настоящий патриот (есть ведь такие среди предпринимателей!) — их искоренят в первую очередь. Так что хочу через вашу газету предупредить всех предпринимателей, патриотически настроенных, что если будет объявлена какая-либо чрезвычайная борьба с преступностью, то они пострадают прежде всего. Чтобы лишить оппозицию финансовой поддержки.

— Вспомню еще раз Александра Александровича Зиновьева, поскольку вспоминаете его в своей книге и вы. Имею в виду знаменитые слова бывшего диссидента: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию». Ваш фильм «Так жить нельзя» сыграл очень большую роль не только в восшествии Ельцина на пост Председателя Верховного Совета РСФСР, о чем вы справедливо поминаете, но и в развале всей прежней государственной системы. Но ведь ее развал, осуществленный столь стремительно и, я бы сказал, столь бездумно, привел именно к тому разгрому страны, который стал и вашей, и нашей (всех, кто считает себя патриотами!) общей трагедией. Если раньше хоть и не ахти блестяще, но жить все-таки было можно, то сейчас для честных и неимущих людей, которых большинство, действительно нельзя. Это вывод из вашей книги. «Формируется новый — волчий мир»,— написали вы. Скажите, при всей вашей нелюбви к коммунизму и коммунистам, если бы вы четко знали, к чему приведет тот ваш фильм, сделали бы вы его? Вот Зиновьев и Владимир Максимов, авторы многих антикоммунистических книг, говорят, что не написали бы их, зная, что они послужат уничтожению страны...

— Ну, если бы я знал, что мой труд послужит уничтожению страны, конечно же, не стал бы этого делать. Или делал бы по-другому. А то получилось (невольно, конечно), что нанес вреда России, может, даже больше, чем любое ЦРУ. Изначально-то я боролся за демократию, за настоящую демократию, и я радовался, что борьба наша приносит плоды. Свобода слова появилась. Ведь действительно была свобода слова! Парламент, прежний парламент, расстрелянный из пушек, был избран уже вполне демократическим путем. Сколько бы ни говорили сегодня, что депутаты там были коммуно-фашисты. Это бессовестная пропагандистская ложь. Какие они коммуно-фашисты? Теперь, когда мы имеем новый парламент, который, кстати, ничуть не хуже прежнего, особенно недопустимо клеветать на людей, избранных в свое время, повторяю, абсолютно демократически. Я знаю многих из них как людей по-настоящему совестливых, но вот именно такие — кость в горле для власти. Потому и начали клеить им разные ярлыки...

Да, если тогда так жить было нельзя—в 89-м году, когда снимался этот фильм,— то так, как сегодня, разве можно? Вот вам пример «пользы» произведения искусства. Вроде пытались что-то сделать, и я буквально выложился, а эффект — совершенно негативный.

— Прямо по Тютчеву: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется»... Из книги вашей я узнал, что решение выйти из Союза кинематографистов вы приняли 4 октября, стоя на мосту перед горящим «Белым домом». Почему все-таки вы приняли это решение и почему именно тогда? Что отделило вас от многих коллег по творческой работе, что не устраивает в их позиции? Вы даже подчеркнули, что не к творческой интеллигенции обращаете свою книгу. А некоторые представители этой интеллигенции не скрывают, что просто ненавидят вас...

— Да мне плевать на них. Я уже сказал: «пли» тем танковым пушкам скомандовала творческая интеллигенция. И в первую очередь — кинематографисты. Это они устраивали ночные шабаши в Доме кино — во время референдума, перед выборами. Они кричали президенту: «Бейте идеологических противников!» Это их представитель, когда уже танки выкатывались на боевые позиции перед «Белым домом», вопил по телевизору с пеной у рта: «Раздавите гадину!»

После того, что произошло в «Останкино»... Достаточно посмотреть видеодокументы, где по секундам все запечатлено: словно скот на бойне, убивают безвинных людей! Никого сами они не убили, не переступили порога здания. А кто убил двух работников телецентра — это ведь тоже ясно: видны трассирующие пули, видно, кто стрелял. То есть более жуткой картины того, что здесь произошло и что упорно продолжают называть штурмом «Останкино», трудно представить. Так вот уже после этого организованного массового убийства газеты захлебывались: отребье, ублюдки, надо черт-те что с ними сделать! А одна сатана в юбке — иначе назвать не могу — заявила: «Вы виноваты уже тем, что заставили нас убивать вас».

После всего этого я не хочу их видеть. Друзей-то у меня после тех дней даже прибавилось среди кинематографистов. Те, кто кричит, активничает, кто все время на виду,— это ведь пена. А люди с совестью, тот же Виктор Сергеевич Розов,— их много. Очень много. Куда больше, чем других. И они мне звонили, находили меня, мы все время общаемся. Некоторые, может, и не до конца поняли, что произошло, но сердце им подсказало: из пушек по парламенту — нельзя, это плохо.

Положение в Союзе кинематографистов и вообще в нашем кино — зеркальное отражение обстановки в стране. Вот вчера я прошел по мертвому «Мосфильму». Ну и что? Нельзя же спасти «Мосфильм», не остановив процессы превращения России в колонию. Фильмы, снятые на этой студии в былые годы, я и сейчас смотрю, задыхаясь от счастья и обливаясь слезами (их по ночам телевизор иногда показывает): «Дом, в котором я живу», «Когда деревья были большими», «Летят журавли», «Чистое небо»... Можно ли плохо говорить о тех, кем все это создано? Однако у власти в Союзе кинематографистов не они. Поэтому я и вышел оттуда. Потому что не могу принять эту кинематографическую власть. Столько она горя принесла стране, так предала и продала — за мелочь, за какие-то там центы! — свой народ...

Я вышел из-под их начала — и почувствовал, что очистился. Вот просто очистился! Счастлив, что теперь могу не иметь с ними никакого дела.

— «Нация, предавшая своих стариков, не имеет права на существование» — написано в вашей книге. Вы отмечаете, что первыми жертвами нового режима стали старики, ветераны. Их просто отвергли, перестали считаться с ними, объявив их, борцов против фашизма, красно-коричневыми, то есть фашистами. Над ними смеются, не принимают их всерьез... А с другой стороны, нравственное растление молодежи. Как видится вам проблема связи поколений, их судьба в нашем будущем?

— О какой связи поколений сегодня может идти речь! Растет новое поколение, выбравшее «пепси» и «сникерсы». От старшего поколения его насильно отрезали. Очень четко это видно на модели того же Союза кинематографистов. Поколение, которое создало славу советского кино, можно сказать, отрезано и выброшено на свалку. Еще в 86-м году. Как ненужное. Нагло, нахально, цинично. Кинематограф в этом смысле опередил всех в начале перестройки. И аналогичный губительный процесс пошел потом по всей стране. А вот как остановить его, честно скажу, не знаю.

— Вы коснулись в книге проблемы фашизма. Есть даже целая глава «Фашизм. Что это такое?» И дали понять, что он проявил себя в жестокой расправе над Верховным Советом. А сейчас много говорится об угрозе русского фашизма. Насколько, по-вашему, серьезна эта угроза и с какой стороны?

— Да, фашизм — это именно то, что я видел в трагические октябрьские дни. Расстрел Дома Советов, бойня в «Останкино». И когда после штурма «Белого дома» во дворах зверски избивали людей. Вот это фашизм. А все их нынешние угрозы... Не хочу даже слушать. Наперсточники они, шулера. Поступая как самые жуткие фашисты, они еще смеют кого-то обвинять в фашизме. Поворачивается язык говорить такое даже про людей, которые спасли мир от фашизма.

— В вашей книге нет оптимистического финала. Вы написали, что оптимистом в наши дни может быть либо дурак, либо подлец. Неужели и сейчас не видите никакого выхода из того положения, в котором мы оказались? Во имя чего же тогда работаете в Государственной думе?

— В думу я пошел хоть и с небольшими надеждами, но все же они были. Увы! Я знал, что дума будет бесправной, однако не думал, что еще будет и безгласной. Надеялся использовать трибуну и хотя бы сказать правду людям. Сориентировать их— по крайней мере тех, кто мне доверился.

Но оказалось — это невозможно. Ничего из существенного, что в думе происходит, обществу не известно. В печать и на телевидение из думы попадает только мусор — скандалы, склоки и все такое прочее. Поэтому уже сегодня народ к новому разгону парламента готов. Наверное, и заряда ненависти, выпущенного по старому парламенту, было достаточно для дискредитации нового, а пресса теперь еще добавила. Включая наглую ложь о привилегиях депутатов. Об огромных зарплатах, квартирах, помощниках, кабинетах, персональных автомашинах. А на самом деле? Но — все это муссируется, как и когда-то в случае с Руцким, чтобы скомпрометировать думу, подготовить народ к указу президента о ее роспуске. Что ж, думу уже дружно ненавидят. Меня уже спрашивают: «А чего ты, собственно, не уйдешь? Зачем тебе этот балаган?» Народ-то наивный.

— Ваши оценки властей предержащих предельно резки и остры. Между тем Госдумой принят недавно «Меморандум о согласии», Ельцин в последних своих выступлениях призывает к гражданскому миру, общенациональному примирению. Не считаете, что ваши высказывания противоречат этим призывам и могут быть расценены как дестабилизирующие обстановку в обществе?

— Не противоречат. Ведь это не значит, что после принятия меморандума вора нельзя уже будет назвать вором, а убийцу — убийцей.

— А не боитесь, Станислав Сергеевич, расправы со стороны мафии? Ведь вы так отважно выступаете против нее. Многие ваши читатели просили меня задать вам такой вопрос.

— Раньше я даже не предполагал, сколь много значит для меня такое понятие, как моя Родина. И ее изнасиловали. Это все равно, как если бы изнасиловали мою мать. Было бы мне тогда какое-то дело до своей жизни? Так и здесь.

Беседу вел
Виктор КОЖЕМЯКО.

● Этот снимок фотокорреспондент газеты «Сегодня» Андрей Замахин сделал возле «Останкино» 3 октября 1993 года.